

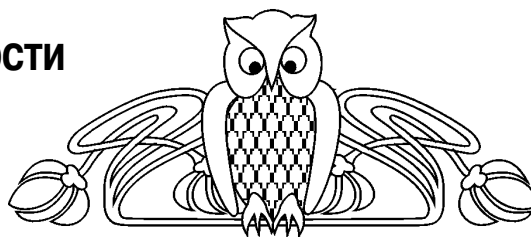

УДК 316.6+159.947.5

ИСТОЧНИКИ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ ЭМИГРАЦИОННОГО НАМЕРЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

С.В. Фролова

Саратовский государственный университет,
кафедра психологии
E-mail: frolovasv71@mail.ru

Рассмотрены такие источники ситуативных смыслов образования эмиграционного намерения как мотивы, ценности, значимые переживания, связанные с восприятием сказочно-мифологических образов культуры своего народа; устойчивые индивидуальные способы смысловой регуляции в трудных жизненных ситуациях. Приведены результаты эмпирического исследования смыслообразующих факторов эмиграционных намерений студентов в современной культурно-исторической ситуации.

Ключевые слова: эмиграционные намерения, смыслообразование, мотивы, ценности, значимые переживания сказочно-мифологических образов народной культуры, совладающее поведение.

Sources of Sense Formation of Person's Emigratory Intention

S.V. Frolova

Such sources of situational sense formation of emigratory intention as motives, spiritual values, significant experience related to perception of various fairy-tale and mythological images of the local culture; stable individual methods of sense regulation in difficult situations of life are considered. The results of our empirical study of sense formation factors of the emigratory intention of students in the modern cultural and historical situation are presented.

Key words: emigratory intention, sense formation, motives, spiritual values, significant experience related to perception of fairy-tale and mythological images of the folk culture, coping behaviour.

Одним из новых направлений в изучении феномена человека является возникшая не так давно психология эмиграции¹. Проблема смешения и расселения народов и стремление человека к преодолению разнообразия этнокультурных форм обладает непреходящей актуальностью и имеет долгую историю. Современная культурно-историческая ситуация характеризуется состоянием культурного² и социально-экономического³ кризиса и ставит человека перед необходимостью адаптации в условиях социальной нестабильности, снижения уровня жизни, разрушения прежних отношений и чувства собственной целостности и идентичности⁴. Порой одним из способов преодоления трудностей, вызванных последствиями системного кризиса, становится построение жизненной стратегии через эмиграцию в другую страну. По статистическим данным, с 1989 по 2002 г. из России выехало примерно 5,4 млн человек, причем возрастная структура эмигрантов сдвинута в сторону более молодых возрастов⁵. В связи

с исчезновением искусственных ограничений в настоящее время можно говорить о новой волне эмиграции российских граждан, обусловленной не политическими, как прежде, а экономическими и социально-психологическими факторами. Несмотря на предпринимавшиеся попытки исследования эмиграционных намерений⁶, остается еще не изученным их собственно психологическое содержание, а именно, источники ситуативных смыслов планирования эмиграции.

Целью данного исследования явилось изучение смыслообразующих факторов эмиграционных намерений в современной культурно-исторической ситуации. Под намерением понимается сознательное стремление завершить действие в соответствии с намеченной программой в условиях, когда цель деятельности отдалена и ее достижение отсрочено⁷. Намерению соответствуют потенциальные мотивы⁸, которые могут со временем либо актуализироваться, либо разрушиться. Эмиграционное намерение, в нашем понимании, является сознательным построением жизненной стратегии через эмиграцию.

Интерес к смысловой сфере личности неуклонно растет в отечественной психологии⁹. Под смыслообразованием, с точки зрения мотивационно-деятельностной концепции смыслов, понимается придание содержания отдельным целям и действий личностного смысла, то есть значения для самого субъекта¹⁰. Д.А. Леонтьев определяет смыслообразование на языке психологических механизмов как глобальный процесс «распространения смысла от ведущих, смыслообразующих, «ядерных» смысловых структур к частным, периферическим, производным в конкретной ситуации развертывающейся деятельности»¹¹. Источником ситуативных смыслов развертывающейся деятельности могут выступать не только мотивы, но и другие смысловые структуры – смысловые диспозиции и смысловые конструкторы.

Существует понимание ценностей как системы личностных смыслов, задающей дифференциацию объектов индивидом по их значимости¹². Эмиграционное намерение в современных условиях не носит вынужденного характера, является принятием решения в ситуации выбора и может определяться особенностями строения личностной системы ценностей. В качестве особой деятельности смыслопорождения Ф.Е. Василюк

предлагает рассматривать значимое переживание¹³. В отечественной психологии существует традиция рассмотрения развития личности как субъективной истории переживаний, ядром которых выступает эмоционально окрашенное постижение смыслов и ценностей культуры¹⁴. В этой связи особый интерес представляет изучение эмоционально-когнитивного следа, оставленного детскими переживаниями сказочно-мифологических образов культурного опыта своего народа, и его взаимосвязь с построением жизненной стратегии через эмиграцию. Упорядоченные детские впечатления создают канву индивидуального опыта взрослого человека, задавая основу неосознаваемых смысловых установок взрослой личности¹⁵.

Образование эмиграционного намерения в условиях современного системного кризиса может быть связано с устойчивыми индивидуальными способами преодоления трудных жизненных ситуаций. «Совладающее поведение», или «копинг», относится к осознаваемым формам смысловой регуляции личности и понимается многими авторами как индивидуальный способ преодоления личностью трудной, кризисной, стрессовой ситуации в соответствии с ее собственной логикой, значимостью в жизни человека и его психологическими возможностями¹⁶. Психологическое предназначение такого поведения состоит в том, чтобы человек как можно лучше адаптировался к требованиям ситуации.

Таким образом, источниками смыслообразования эмиграционных намерений могут выступать не только потенциальные мотивы, но и более глубокие личностные подструктуры, такие как система ценностей личности, этническая согласованность содержания когнитивно-эмоционального следа воспринятых в детстве сказок, а также устойчивые индивидуальные способы преодоления жизненных трудностей. Мы предположили, что в современной социальной ситуации основными внешне мотивирующими факторами возникновения намерения безвозвратной эмиграции являются экономические факторы, внутренне мотивирующими – отношения к социокультурным и климато-географическим признакам этничности; смыслообразование эмиграционных намерений связано с более индивидуалистски ориентированной системой ценностей личности и дефицитом когнитивно-эмоционального следа восприятия в детском возрасте сказок своего народа; существует взаимосвязь между эмиграционным намерением и устойчивыми низкоадаптивными способами преодоления трудных жизненных ситуаций.

Для проверки наших предположений было предпринято исследование, в котором приняли участие 152 студента (21 юноша и 131 девушка). В исследовании применялся следующий инструментарий: 1) анкетный опрос, направленный на выявление мотивирующих факторов эмиграционных намерений, с 10-балльной шкалой

субъективных оценок; 2) модифицированный метод структурированного психологического этнофункционального интервью А.В. Сухарева¹⁷, являющийся одной из форм субъективного психологического анамнеза¹⁸; 3) копинг-тест WCQ («Опросник о способах копинга») Р.Лазаруса и С.Фолькмана; 4) методика Е.Б.Фанталовой «Ценность-Доступность»¹⁹, использующая понятия «терминальных ценностей», выделенных М. Рокичем, и технику их попарного сравнения. Для осуществления математико-статистического анализа полученных данных применялись следующие методы: U-критерий Манна-Уитни; ϕ^* -критерий углового преобразования Фишера; χ^2 -критерий Пирсона; t-критерий Стьюдента.

Все исследуемые были распределены по трем группам: 1-я группа – студенты, которые хотят постоянно жить и работать за рубежом (52% от общего числа выборки); 2-я группа – студенты, которые хотят постоянно жить и работать в России (22,3%); 3-я группа – студенты, которые хотят постоянно жить в России с возможностью учиться или работать за рубежом (25,7%). Наиболее многочисленной оказалась группа с эмиграционными намерениями постоянного проживания за рубежом. Только около четверти принявших участие в исследовании студентов хотят постоянно жить и работать в своей стране. Большинство же, в той или иной мере, хотели бы свою судьбу связать с зарубежьем. При помощи математической обработки удалось установить, что юноши и девушки в равной степени подвержены формированию эмиграционных намерений.

В качестве потенциальных стран-реципиентов для постоянного жительства указаны 20 стран. Шестерку лидеров представляют Франция (23%), США (16%), Германия (16%), Испания (16%), Англия (12%), Италия (12%). Только 52% потенциальных эмигрантов владеют иностранным языком выбранной страны. Остальные не предпринимают попыток к его изучению и не делают конкретных шагов для реализации своих намерений. Это дает основания предполагать существование низкой степени удовлетворенности своим настоящим положением данной группы студенчества, что усиливает риск их социально-психологической дезадаптации.

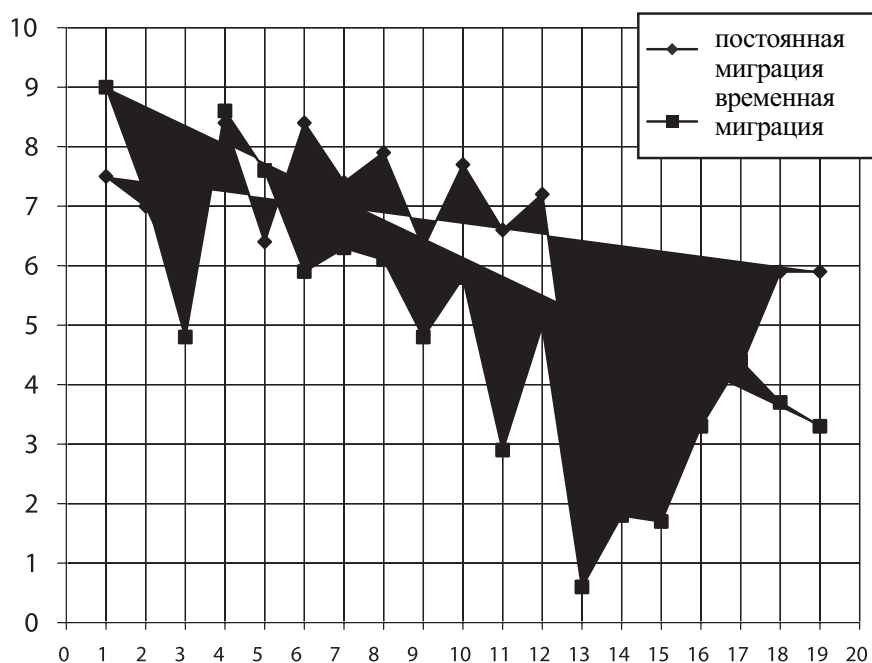
Данные анкетного опроса с использованием 10-балльной шкалы оценок позволили составить профили мотивирующих причин эмиграционных намерений в группах «временной» и «постоянной эмиграции» (см. рисунок), которые обнаружили похожую динамику и тенденцию к более высокой оценке значимости большинства факторов в группе с постоянными эмиграционными намерениями. Вместе с тем математический анализ (с помощью U-критерия Манна-Уитни и t-критерия Стьюдента) различий в оценках причин эмиграционных намерений показал, что для студентов, планирующих безвозвратную эмиграцию, наиболее мотивирующими оказываются факторы

экономического характера («выше жизненный уровень», «удовлетворение социально-бытовых потребностей») ($p < 0,05$). Для студентов с намерением временной эмиграции на первых местах значатся познавательные факторы («выучить язык», «посмотреть мир», «приобрести новый жизненный опыт», «узнать культуру другой страны»).

В планировании безвозвратной эмиграции более мотивирующими оказались социокультур-

ные факторы («больше устраивает нравственно-психологическая атмосфера в обществе» и «политическая стабильность» другой страны) ($p < 0,05$) и предпочтительное отношение к климату и природным условиям страны желаемой эмиграции ($p < 0,01$). Этничность, по мнению многих исследователей, может характеризоваться не только социокультурными, но и климато-географическими и антропо-биологическими признаками, опосредованными влиянием культуры²⁰.

Профили мотивирующих причин эмиграции.

На оси ординат отмечены средние значения по группе, на оси абсцисс – номер оцениваемой причины:

- 1 – выучить язык,
- 2 – получить возможность узнать культуру другой страны,
- 3 – попробовать жить самостоятельно,
- 4 – посмотреть мир,
- 5 – приобрести новый жизненный опыт,
- 6 – выше жизненный уровень,
- 7 – заработать денег,
- 8 – перспектива лучшего трудоустройства,
- 9 – социальная защищенность,
- 10 – удовлетворение социально-бытовых потребностей,

- 11 – больше устраивает климат, природная среда,
- 12 – интереснее проводить досуг,
- 13 – живут родственники,
- 14 – живут друзья,
- 15 – создать семью,
- 16 – лучше система образования,
- 17 – получить возможность познакомиться с новой системой образования,
- 18 – политическая стабильность,
- 19 – нравственно-психологическая атмосфера в обществе

Таким образом, смыслообразование эмиграционных намерений в современной социальной ситуации связано с системой отношений к этническим факторам (на рис. – 11, 18, 19), в частности, отношением к социокультурным и климато-географическим этническим признакам. Действие экономического фактора является внешним объективным условием и становится порой только мотивировкой в принятии решения об эмиграции, личностные смыслы которой лежат глубже.

При помощи модифицированного этнофункционального психодиагностического интервью и математической обработки (с применением F^* -критерия Фишера и χ^2 -критерия Пирсона) удалось установить, что существуют достоверные различия группы с эмиграционными намерениями постоянного жительства за рубежом и группы без эмиграционных намерений по характеру и содержанию избирательно отмечаемых в качестве первых воспринятых в детстве сказок.

Значимые различия получены по выбору русских народных сказок (таблица). В группе студентов, у которых отсутствуют эмиграционные намерения, в качестве первых воспринятых в детстве сказок достоверно чаще, чем в группах с эмиграционными намерениями, выбираются русские народные сказки ($p = 0,00$). Реже всего русские народные сказки выбираются в группе студентов, которые хотят постоянно жить за рубежом ($p \leq 0,01$). В группе с «временными» эмиграционными намерениями русские народные сказки выбираются также реже по сравнению с группой отрицательного отношения к эмиграции,

хотя уже с меньшим уровнем статистической значимости ($p \leq 0,05$). В связи с этим можно говорить, используя понятие, введенное А.В. Сухаревым, о меньшей степени выраженности этнофункциональной психической рассогласованности²¹ лиц с временными эмиграционными намерениями по сравнению с лицами, у которых образуются намерения постоянной эмиграции. Студенты с намерениями постоянной эмиграции в качестве первых воспринятых в детстве сказок наиболее часто отмечают авторские сказки, что достоверно отличает их от студентов с отсутствием эмиграционных намерений ($p \leq 0,05$).

Характер сказок, воспринятых в раннем детстве

Выделенные группы испытуемых	Первые воспринятые сказки		
	русские народные	других народов	авторские
1. Хотят постоянно жить и работать за рубежом	51 % **2, *3	22 %	62 %*2
2. Хотят постоянно жить и работать в России	89 % **1, *3	29,6 %	44,4 % *1
3. Хотят постоянно жить в России с возможностью учиться / работать за рубежом	74,2 % *1, *2	22,6 %	61,3 %

Примечание. Знаком * отмечены показатели, достоверно значимо различающиеся, уровень статистической значимости $p \leq 0,05$; знаком ** – различающиеся с уровнем достоверности $p \leq 0,01$; ^{1, 2, 3} – номера выделенных групп, в которых получены достоверные различия: 1 – студенты, которые хотят постоянно жить и работать за рубежом; 2 – студенты, стремящиеся жить и работать в России; 3 – студенты, желающие постоянно жить в России с возможностью учиться или работать за рубежом.

Полученные нами данные согласуются с теоретическими и эмпирическими исследованиями влияния сказок на психическое развитие человека²² и позволяют заключить, что когнитивно-эмоциональный след от содержания этнофункционально согласованных народных сказок, воспринятых в раннем детстве, связан с отсутствием эмиграционных намерений в юношеском возрасте. В группе студентов, у которых отсутствуют эмиграционные намерения, в качестве первых воспринятых в детстве сказок достоверно чаще выбираются сказки своего народа. Включение человека в родную культуру, усвоение присущих ей традиций, мировоззрения и мироощущения способствует оптимальной степени этнокультурной идентичности. В группе студентов, которые хотят постоянно жить за рубежом, реже всего выбираются сказки своего народа, преимущество отдается авторским сказкам, менее соотношенным с культурным опытом своего народа и, как показывает Н.В. Чудова, иначе, чем народные, влияющим на картину мира ребенка²³.

Анализ ценностной сферы выявил наибольший «вес» ценности «наличие хороших и верных друзей» в группе с отсутствием эмиграционных намерений по сравнению с группой желающих жить постоянно за рубежом ($p < 0,05$). У студентов с намерениями постоянной эмиграции наряду с уменьшением значимости ценности «наличие хороших друзей» наблюдается возрастание значимости ценности «творчество» по сравнению с группой желающих постоянно жить в России ($p < 0,05$).

Отечественный философ В.А. Кутырев выделяет две противоположные мировоззренческие установки: деятельностная установка и установка на общение. Общение рассматривается в широком смысле как «чувственная активность» в противоположность «рациональной активности»²⁴. Мировоззренческая установка на деятельность, творчество наиболее присуща западной цивилизации. Альтернативная деятельностной установке система отношений, построенных на категории общения, характерна для русской культуры. Интересно заметить, что различные независимые исследователи отмечают аналогичные особенности русского менталитета. Как показывает О.И. Маховская, сценарии образования и воспитания в российской и американской традициях социализации не совпадают именно в том, что в российском варианте преобладает преимущественно ориентация на содружество, отношения эмоциональной близости и сопереживания, в американском же варианте социализации культивируются ценности индивидуализма, конкурентности, независимости²⁵. Таким образом, можно говорить, что ценностная ориентация студентов, желающих постоянно жить за рубежом, является более индивидуалистски ориентирующей и согласованной с западным менталитетом.

Ценность материально обеспеченной жизни, осознаваемая значительной частью представителей группы с постоянными эмиграционными намерениями как одна из главных мотивообразу-

ющих причин эмиграции (см. данные анкетного опроса), в действительности, оказывается менее значимой по сравнению с ценностями «любви» и «счастливой семейной жизни», получившими одинаковый «вес» в трех выделенных группах студентов. Ценность «материально обеспеченная жизнь» занимает лишь 6-е место в группе с «постоянными эмиграционными намерениями», в группе «без эмиграционных намерений» лишь 8-е место, а в группе с «временными эмиграционными намерениями, вообще, самое последнее место. Это свидетельствует о приобретении ценности «материально обеспеченной жизни» статуса инструмента достижения более значимых для студентов ценностей «любви» и «счастливой семейной жизни». Однако такая дифференциация – на ценности-цели и ценности-средства – далеко не всегда осознается личностью, порой оттесняя истинные ценности из зоны актуальных смыслообразующих факторов.

Математический анализ достоверности различий (U-критерий Манна–Уитни и t-критерий Стьюдента) в выборе стратегий преодоления показал, что у студентов с «постоянными» эмиграционными намерениями значимо чаще встречаются стратегия конфронтационного преодоления, включающая агрессивные усилия по изменению ситуации и предполагающая определенную степень враждебности и готовности к риску ($p < 0,01$ – по U-критерию Манна–Уитни; $p < 0,05$ – по t-критерию Стьюдента), и стратегия бегства-избегания, при которой когнитивные и поведенческие усилия направлены на избегание проблемы ($p < 0,05$). Две эти стратегии преодоления трудностей являются низкоадаптивными. Такие результаты дают возможность предполагать, что для части студентов с эмиграционными намерениями возможность уехать в другую страну представляется способом «не решать» возникающие трудные жизненные ситуации в существующей реальности или вступать в конфронтацию с возникающими жизненными проблемами психической адаптации в исходной социокультурной среде. Подкреплением такого отношения к эмиграции как способу избавления от части трудностей может являться довольно интенсивная в последние годы на российских телеэкранах и в других СМИ реклама легкого, «беспроблемного» западно-европейского и американского образов жизни. Вместе с тем мнимость легкости разрешения жизненных трудностей путем бегства от проблемы в реальности вызывает еще большее напряжение адаптационных механизмов, не являясь продуктивной стратегией.

Таким образом, в ходе предпринятого исследования подтвердилось предположение о том, что источниками смыслообразования эмиграционных намерений могут выступать не только потенциальные мотивы, но и более глубокие личностные подструктуры, такие как система ценностей личности, этническая согласованность содержания когнитивно-эмоционального следа воспринятых

в детстве сказочно-мифологических элементов культуры, а также устойчивые индивидуальные способы преодоления трудных жизненных ситуаций. Смыслообразование эмиграционных намерений в современной социальной ситуации связано с более индивидуалистски ориентированной системой ценностей личности и дефицитом когнитивно-эмоционального следа от восприятия сказок своего народа в детском возрасте. Существует взаимосвязь между эмиграционным намерением и устойчивыми низкоадаптивными способами преодоления трудных жизненных ситуаций. В результате можно сделать следующие выводы:

эмиграционные намерения часто присутствуют в жизненных стратегиях студентов, что приближается, по всей видимости, к некой типичной ситуации, с которой сталкивается общество;

основными внешне мотивирующими факторами становления намерения безвозвратной эмиграции являются экономические трудности, внутренне мотивирующими факторами являются отношения к социокультурным и климато-географическим признакам этничности. Предпочтение климата и природных условий другой страны играет значительную роль в принятии решения о постоянной эмиграции;

смыслообразование эмиграционного намерения связано с когнитивно-эмоциональным следом воспринятых в детском возрасте элементов сказочно-мифологического аспекта культуры, в частности, с преобладанием в субъективном анамнезе образов авторских сказок и дефицитом архетипичных сказок, содержательно согласованных с культурным опытом народа;

построение эмиграционных стратегий происходит во взаимной связи с ценностной структурой личности, особенностями которой являются снижение ценности наличия хороших и верных друзей и возрастание ценности творческой самореализации;

образование эмиграционного намерения может происходить в тесной связи со смысловой регуляцией личности в трудных жизненных ситуациях. Для части студентов с эмиграционными намерениями возможность уехать жить в другую страну представляется способом «не решать» возникающие жизненные проблемы. Эмиграционное намерение может являться и формой конфронтации с исходной этнокультурной средой, снижающей общий адаптивный потенциал личности.

Примечания

- ¹ Психологические проблемы русских эмигрантов в Германии: Сб. трудов бакалавров-психологов С.-Петерб. гос. ун-та / Сост. Н.С. Хрусталева. СПб., 2001.
- ² Давыдов Ю.Н. Кризисное сознание // Современная западная социология. М., 1990. С. 143–144; Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.

- 3 *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.
- 4 *Erikson E.* Life history and the historical moment. N. Y., 1975.
- 5 *Зайончковская Ж.А.* Эмиграция в дальнее зарубежье // Мир России. 2003. № 2. С. 145–150.
- 6 *Аллахвердян А.Г., Аллахвердян В.А.* Эмиграционные намерения ученых и студентов-психологов // Вопросы психологии. 2003. № 3. С. 101–109.
- 7 *Божович Л.И.* Изучение мотивации поведения детей и подростков. М., 1972; *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб., 2003. С. 59.
- 8 *Ковалев В.И.* Мотивы поведения и деятельности. М., 1988; *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М., 2000.
- 9 *Абульханова К.А.* Психология и сознание личности: Избранные психологические труды. М.; Воронеж, 1999; *Асмолов А.Г.* Личность как предмет психологического исследования. М., 1984; *Василюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М., 1984; *Леонтьев Д.А.* Динамика смысловых процессов // Психол. журн. 1997. Т. 18, № 6. С. 13–27.
- 10 *Леонтьев А.Н.* Указ. соч. С. 449.
- 11 *Леонтьев Д.А.* Указ. соч. С. 15.
- 12 *Асмолов А.Г.* Указ. соч.; *Леонтьев А.Н.* Указ. соч.
- 13 *Василюк Ф.Е.* Указ. соч.
- 14 *Выготский Л.С.* Собр. соч.: В 6 т. М., 1984. Т. 4; *Шпет Г.Г.* Психология социального бытия / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.; Воронеж, 1996.
- 15 *Асмолов А.Г.* Указ. соч.
- 16 *Анцыферова Л.И.* Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психол. журн. 1994. Т. 15, № 1. С. 3–18; *Нартова-Бочавер С.К.* «Coping behavior» в системе понятий психологии личности // Психол. журн. 1997. Т. 18, № 5. С. 20–30; *Lazarus R.S.* Psychological Stress and Coping Process. N.Y., 1966.
- 17 *Сухарев А.В.* Этнофункциональная психология в воспитании, психотерапии и психопрофилактике. М., 2004. С. 56–64.
- 18 *Мясищев В.Н.* Психология отношений / Под ред. А.А. Бодалева. М.; Воронеж, 2003. С. 283–312.
- 19 *Фанталова Е.Б.* Об одном методическом подходе к исследованию мотивации и внутренних конфликтов // Психол. журн. 1992. Т. 13, № 1. С. 107–117.
- 20 *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983; *Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990; *Babiker I.E., Cox J.L., Miller P.M.S.* The measurement of culture distance // Social Psychiatry. 1980. V. 15. P.101–116; *Claval P.* Geographie et psychologie des peuples // Rev. de psych. des peuples. 1966. №4. P. 386–407.
- 21 *Сухарев А.В.* Указ. соч.
- 22 *Адоньева С.Б.* Сказочный текст и традиционная культура. СПб., 2000; *Ленц Ф.* Образный язык народных сказок. М., 2000; *Сапогова Е.Е.* Культурный социогенез и мир детства: Лекции по историографии и культурной истории детства. М., 2004; *Тимохин В.В.* Этнофункциональный аспект процесса психического развития: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
- 23 *Чудова Н.В.* Модели мира авторских сказок // Модели мира / Сост. Н.В. Чудова. М., 1997. С. 147 – 157.
- 24 *Кутырев В.А.* Естественное и искусственное: борьба миров. Н. Новгород, 1994.
- 25 *Маховская О.И.* Формирование идентичности у детей постсоветских эмигрантов в США // Психол. журн. 2005. Т. 26, № 3. С. 102–113.

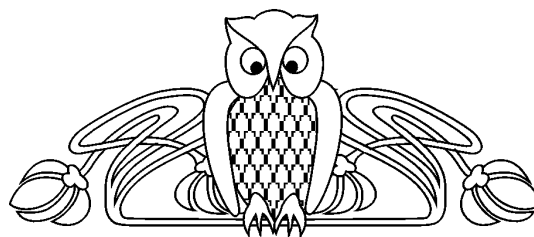
УДК 316.6:159.923

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ И ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ*

Р.М. Шамионов

Саратовский государственный университет,
Педагогический институт,
кафедра психологии образования
E-mail: shamionov@mail.ru

В работе обсуждается проблема субъективного благополучия в его обусловленности ценностно-смысловыми образованиями личности в профессиональном самоопределении. Теоретическому анализу подвергнуты вопросы динамики ценностно-смысловых образований в профессиональной деятельности и их соотношения в формировании удовлетворенности трудом и жизнью; подчеркивается смысловая значимость как благополучия, так и неблагополучия, а также устанавливается самодетерминирующая роль ценностно-

смысловой сферы личности, механизмом которой выступает противоречие, выражающееся в неудовлетворенности.

Subjective Well-being and Valuable and Semantic Formations of a Person in His/her Professional Self-determination

R.M. Shamionov

The paper treats the problem of subjective well-being as conditioned by the valuable and semantic formations of a person in his/her professional self-determination.

Questions of the dynamics of these valuable and semantic formations in professional activity and their correlation in the appearance of

* Работа выполнена в рамках темы, разрабатываемой по гранту Президента Российской Федерации МД-1250.2005.6.